

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.03

Правильная ссылка на статью:

Аникин В. А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 39—67. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.03>.

For citation:

Anikin V. A. (2018) Social stratification based on life chances: operationalization for mass surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 39—67. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.03>.

В. А. Аникин

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ПО ЖИЗНЕННЫМ ШАНСАМ: ПОПЫТКА ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ДЛЯ МАССОВЫХ ОПРОСОВ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ПО
ЖИЗНЕННЫМ ШАНСАМ: ПОПЫТКА
ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ДЛЯ МАССО-
ВЫХ ОПРОСОВ

SOCIAL STRATIFICATION BASED ON LIFE
CHANCES: OPERATIONALIZATION FOR
MASS SURVEYS

АНИКИН Василий Александрович — кандидат экономических наук, PhD, доцент факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; старший научный сотрудник Центра стратификационных исследований, Институт социальной политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия; старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-MAIL: vanikin@hse.ru

ORCID: 0000-0002-2316-4628

*Vasily A. ANIKIN^{1,2} — Cand. Sci. (Econ.), Ph.D. in Sociology, Associate Professor; Senior Research Fellow
E-MAIL: vanikin@hse.ru
ORCID: 0000-0002-2316-4628*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Социальная структура общества может рассматриваться в различных срезях, но одним из наиболее интересных представляется ее анализ через призму жизненных шансов. Хотя понятие жизненных шансов давно укоренено в зарубежной литературе, его операционализация с целью дальнейшего построения общей модели социальной структуры общества по этому основанию представляется нетривиальной задачей, попытки решения которой пока не предпринимались. В целях частичного восполнения этого пробела в работе предложен обзор теоретико-методологических подходов к анализу жизненных шансов через призму положительной и негативной привилегированности положения индивида в обществе, а также проведена операционализация понятия жизненных шансов в различных жизненных сферах.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальная дифференциация, жизненные шансы, неравенство, классы, привилегированность, неовеберизм, производственные отношения, человеческий капитал, потребление, досуг

Благодарность. Автор благодарит Российский научный фонд, за счет средств которого было выполнено данное исследование (проект № 17-78-20125), и выражает признательность Н. Е. Тихоновой за конструктивные замечания в ходе работы над данной статьей, Е. Д. Слободенюк за неоценимый вклад при работе с литературой, а также анонимным рецензентам за их бесценные комментарии по улучшению текста данной статьи.

Abstract. The present paper operationalizes one of the oldest concepts in the sociological literature about social stratification. Although the concept of life chances is well studied, its operationalization for purposes of stratification studies is not a trivial task, which needs a broader and deeper discussion. To fill this gap in the literature, the author considers life chances in terms of Weber's idea of positive and negative privileges. The author proposes a bipolar 'map' of life chances in key areas of life such as economic conditions, work situation, human capital accumulation, and consumption and leisure activities.

Keywords: social stratification, social differentiation, life chances, inequality, classes, privileges, neo-Weberianism, production relations, human capital, consumption, leisure

Acknowledgment. The author gratefully acknowledges financial support from Russian Science Foundation (project No. 17-78-20125) and expresses his special appreciation to Natalia E. Tikhonova and Ekaterina D. Slobodenyuk for their contributions to the research and to anonymous reviewers for their helpful comments.

С развитием количественных обследований народонаселения заметно возросли возможности для многомерного исследования обществ. Главным образом эти возможности произрастают из теоретико-методологических и эмпирических исследований неравенств, среди которых особое место занимают исследования социальной стратификации и социальной структуры обществ. Фундаментальные поиски релевантных инструментов для эмпирического анализа социальной структуры современных обществ начались в послевоенное время и продолжают до сих пор. В обществах, в которых преобладают экономики сервисного типа, классические подходы, выработанные К. Марксом [Marx, 1859] и М. Вебером [Weber, 1978], были переосмыслены и переработаны в классовые схемы, аналитическое ядро которых составляют общественные отношения, хотя и рассматриваемые под разными углами.

Поиск новых аналитических инструментов изучения социальной структуры современных обществ актуализируется с дискуссией о судьбе класса, во многом вызванной провокационной идеей, что «класс мертв» [Pakulski, Waters, 1996; Kingston, 2000], и активным распространением эмпирицизма в анализе социальной (классовой) структуры [Savage et al., 2013]. В связи с этим особое значение приобретают возвращение к классической литературе по социальной структуре и ее аналитическая переоценка в целях социальной стратификации. Представляется важным обратиться к центральной для стратификационной теории М. Вебера концепции *жизненных шансов* (нем. — *Lebenschancen*) [Weber, 1978]. Сегодня жизненные шансы рассматриваются скорее как следствие сложившейся в обществе социальной структуры, а не как конституирующие начала этой структуры. В то же время классическая трактовка позволяет рассматривать их именно в таком ключе, то есть в качестве основания социальной стратификации. Данная статья посвящена операционализации понятия жизненных шансов и его аналитическому генезису с точки зрения применимости жизненных шансов в качестве эффективного инструмента стратификационных исследований.

Классическая трактовка жизненных шансов

М. Вебер ввел понятие *жизненных шансов* (далее — ЖШ) для того, чтобы раскрыть понятие *класса* (нем. — *Klasse*). Он определяет класс через некую совокупность людей, которая характеризуется наличием схожего специфического компонента их жизненных шансов. Стоит обратить внимание на то, что, по мнению М. Вебера, этот общий компонент ЖШ а) представлен исключительно экономическими интересами в обладании благами и возможностями получать определенный доход, б) регулируется условиями товарных рынков и рынков труда. Для определения класса М. Вебер ввел понятие *классовой ситуации*, которую он для краткости понимал как «типичный шанс по производству благ, внешних жизненных условий, а также накопленного жизненного опыта» [Weber, 1994: 114]. Этот шанс, по мнению М. Вебера, определяется количеством и характером власти (или ее дефицитом — в случае отсутствия ЖШ), необходимой для преобразования имеющихся благ или накопленных навыков и компетенций в доход в рамках имеющегося экономического порядка. С этой точки зрения отношение к власти приводит к стратификации жизненных шансов и выстраиванию соответствующей ей иерархии социальных слоев [Scott, 2007].

Стоит обратить внимание, что такой подход к анализу социального неравенства обеспечивает его преимущество перед так называемым градуалистским направлением классового анализа (в рамках которого класс идентифицируется через оценку материального или доходного неравенства [Wright, 2005a]), неодюркгеймианским направлением (выводящим классовую структуру из родов деятельности [Weeden, Grusky, 2005]) или развившимися под влиянием работ М. Вебера «неклассовыми» подходами к анализу социального неравенства, представленными либо многочисленными вариациями одномерного индекса социально-экономического статуса [Duncan, 1961], либо многомерными исследованиями уровня жизни (например, через индексы благосостояния и депривации) и/или качества жизни, которые не ограничиваются лишь экономической призмой неравенства, но включают также социально-психологические сферы жизни. Обозначенное преимущество реализуется по ряду причин.

Во-первых, М. Вебер связывает концептуальный анализ ЖШ с понятием *классовой ситуации*. Аналитически классовая ситуация является своеобразным мостиком, который смыкает задачи социальной дифференциации и социальной стратификации. Так, классовая ситуация формируется на основе распределения ресурсов, включенных в отношения власти, при условии, что она реализуется через собственность и рыночные отношения [Weber, 1978]. Согласно М. Веберу, индивиды или группы, находящиеся в схожей классовой ситуации, имеют схожие ЖШ, или, другими словами, «общие возможности потребления благ, достижения определенной социальной позиции, а также обретения внутренней удовлетворенности» [Weber, 1978: 302]¹. Общность ЖШ характеризует нечто общее между индивидами, находящимися в «однородной» [Daston, 2008] классовой ситуации². Получается, значимость ЖШ для стратификационных исследований состоит в том, что эта концепция позволяет не просто описать различия между индивидами и домохозяйствами, но и идентифицировать однородные группы в схожих рыночных ситуациях — «классах».

Во-вторых, по М. Веберу, ЖШ распределяются рынком в соответствии с теми ресурсами, которыми индивиды не просто располагают, но которые они либо продают, либо сдают в аренду, получая с их обращения доходы и ренты. Другими словами, рынок становится источником неравенства ЖШ. В этом аспекте проявляется экономический детерминизм классовой теории М. Вебера [Wright, 2005a], которая рассматривает класс через призму «социальных отношений экономической жизни» [Chan, Goldthorpe, 2007a: 3]³. Материальные активы, приносящие ренты, М. Вебер рассматривал как главные ресурсы в капиталистических обществах

¹ К сожалению, веберовской концепции классовой ситуации уделяется недостаточное внимание даже в современной западной литературе. Из числа последних наиболее интересных исследований стоит отметить проведенную К. Смитом операционализацию классовой ситуации на примере Великобритании середины 2000-х годов [Smith, 2007].

² Л. Дэстон отмечает, что категория ЖШ применима в большей степени к социальным группам, чем к индивидам — через оценку статистических закономерностей, характерных для однородных категорий индивидов (гомогенным социальным классам) [Daston, 2008].

³ Неэкономические основания стратификации М. Вебер оставляет за понятием «статус» (нем. — *Stand*), понимаемым через категорию социального престижа, основанного на образе жизни, уважении и профессиональной деятельности [Weber, 1978]. Веберовское противопоставление класса и статуса занимало также П. Бурдьё [Bourdieu, 1984] и других авторов, считающих, что статус не должен сводиться к экономическим отношениям [Parsons, 1963; Weinger, 2005]. См. подробно современные стратификационные исследования, основанные на веберовском различии статуса и класса [Chan, Goldthorpe, 2004; 2007a].

[Grusky, 2001], а главным таким активом, стратифицирующим общество по ЖШ, считал собственность, используемую для получения дохода (ренты). Заслуживает особого внимания максимально широкая трактовка видов такой собственности, которой придерживается автор: доходные дома, производительные предприятия, складские помещения, магазины, земли, пригодные для земледелия, банковские вклады, ценные бумаги, право собственности «на шахты и нефтяные вышки», скот, средства передвижения, контроль над мобильными средствами производства, капитальным имуществом (капиталами) различного типа, в особенности деньгами или объектами, которые могут быть легко и в любое время обменены на деньги, контроль над продуктами собственного труда или труда других, контроль над монополиями любого типа и т. д.

В классовом анализе М. Вебера существенно, приносит ли использование собственности на рынке определенный доход ее владельцам или нет. Индивиды и группы, которые живут на доход с собственности, образуют, согласно автору, так называемый *класс собственников*, или крупную и среднюю буржуазию (рантье или класс предпринимателей — как правило, это владельцы средств производства, имеющие наемных работников). По сути, это экономический класс.

Когда индивиды не обладают собственностью или не используют различные ее виды на рынке для получения дохода, основную стратифицирующую роль играют возможности получения рент при оказании услуг. Принципиальным становится владение способностями, которые были получены за счет инвестиций в человеческий капитал на уровне, позволяющем осуществлять управление экономическим капиталом и его приращение. Именно за счет этого вида нематериальных ресурсов обеспечивается существование таких групп индивидов. В этом случае качественное фундаментальное образование, связанное с получением знаний и соответствующих им практических навыков и компетенций в сфере капитализации экономических активов, принципиально для попадания индивидов в класс, который М. Вебер называет «средним» (точнее, «среди́нным»), или «*достижительным классом*» (англ. — *Acquisition class*)⁴.

Помимо *достижительного класса* М. Вебер выделял еще и «*социальный класс*», объединяющий социальные группы, которые получают отдачу не столько от общего человеческого капитала, сколько от его специфических компонентов — совокупности практических навыков и умений, связанных исключительно с занимаемым рабочим местом. К социальному классу автор относил: а) рабочий класс целиком; б) мелкую буржуазию (которую Т. Парсонс понимал как «нижний средний класс» (нем. — *Kleinbürgertum*); в) «интеллигенцию», не обладающую собственностью, и индивидов, чья социальная позиция главным образом зависит от технического обучения на рабочем месте — инженеров, коммерсантов, чиновников и гражданских служащих (автор указывал на то, что внутренняя гетерогенность этой группы зависит от стоимости обучения на рабочем месте). Примечательно, что представителей интеллигенции М. Вебер характеризовал как классы, которые

⁴ В российской традиции его еще называют «стяжательским классом». Однако при таком переводе фактически игнорируются «достижительные» основания попадания в данную группу, связанные с наращиванием и развитием квалификации, в результате чего отличие этой группы от класса собственников становится менее очевидным.

занимают социально привилегированные позиции за счет как собственности, так и образования⁵.

Таким образом, признавая многообразие активов, которые могут приносить доход, М. Вебер четко их различал, на основе чего выделял разные классы, характеризующиеся специфическими ЖШ. Это доказывает стратифицирующие функции концепции жизненных шансов, которые должны обеспечить идентификацию классовой принадлежности человека и прогнозировать характерные для него социальные (классовые) действия. Методологическим ядром веберовской концепции ЖШ является дифференциация пространства ЖШ через призму положительной и негативной привилегированности классовых ситуаций⁶. Условие принадлежности к тому или иному полюсу привилегированности определяется распределением власти в обществе и, следовательно, возможностей в сфере потребления и производства, соответствующих форме и масштабу осуществляемого господства и эксплуатации в организации и на рынке.

Так, позитивная привилегированность характеризуется тем, что ее представители выступают субъектами влияния, эксплуатации и доминирования [Wright, 1997, 2000]. К показателям позитивной привилегированности у класса собственников М. Вебер относит следующие возможности [Weber, 1978: 303]: а) приобретать дорогостоящие потребительские товары; б) систематически монополизировать рынки сбыта производимых товаров и услуг; в) накапливать имущество посредством непотребленного излишка; г) накапливать капитал путем сбережений и, следовательно, инвестировать накопленную собственность в займы; д) контролировать исполнительский труд в коммерческих организациях; е) монополизировать привилегии социально привлекательных и финансово затратных (престижных) видов образования.

Индивиды и группы, которые могут предложить рынку лишь услуги, различаются в той степени, в какой оказываемые ими услуги полезны реципиентам. К признакам позитивной привилегированности «достижительного класса» М. Вебер относил способности: а) монополизировать сферу управления эффективно работающими предприятиями, и б) обеспечивать безопасность и стабильность своего экономического положения путем влияния на экономическую политику организации и политические институты. Если проводить аналогии с марксизмом, то в данном случае речь идет о людях, которые «обслуживают» капитал или им управляют, то есть о предпринимателях, банкирах и финансистах. Однако если К. Маркс не видел особой разницы между капиталистом и теми, кто управляет его капиталом (в силу того, что управление капиталом автор рассматривал как особую функцию капитала), то для М. Вебера владение капиталом и управление капиталом — это индикаторы двух совершенно разных классов. Это связано, видимо, с тем, что к началу XX века, когда М. Вебер писал свои основные работы, профессиональное управление, обслуживание капитала стало нормой и приоб-

⁵ Согласно М. Веберу, возможность индивидуальной и межпоколенной мобильности внутри выделенных им классов высока и реализуется достаточно легко, в то время как между ними она затруднена [Weber, 1978].

⁶ Несмотря на то, что данный терминологический оборот непривычен для отечественного обществоведческого дискурса, фокус на привилегированности по отношению к возможностям в разных сферах — центральный для раскрытия концепции ЖШ М. Вебера и его классовой теории в целом. По этой причине мы будем следовать этой терминологической форме, которая, как будет показано ниже, несет в себе много полезного содержания.

рело массовый характер — сложились основы профессий финансиста, банкира, менеджера, которые традиционно наделялись определенным влиянием внутри организации и автономией труда. Принципиальность момента в том, что в случае с управленцами речь идет не об эксплуатации, а именно о разных формах доминирования со стороны этой группы (наблюдаемого в способностях и возможностях извлекать экономические блага из своей деятельности и труда других людей), что учтено в аналитическом марксизме [Wright, 2005b], к положениям которого мы вернемся ниже.

Что касается положительной привилегированности социального класса, то она обеспечивается только у интеллигенции, которая получает ренту за счет сочетания материальной собственности и образования.

Негативная привилегированность класса собственников, напротив, связана не столько с простым отсутствием собственности, сколько с экстраординарными материальными лишениями, бедностью и долгами, которые ставят человека в зависимое положение, то есть делают его объектом доминирования и эксплуатации. В связи с этим особо примечательно, что к негативно привилегированному классу М. Вебер относил рабов (то есть тех, кто сам выступал объектом владения), а также пролетариев «в том смысле, как этот термин понимался в эпоху Античности»⁷ [Weber, 1994: 123], то есть должников и бедных.

Негативная привилегированность достигательного класса связана с отчуждением от управления капиталом и неспособностью обеспечить безопасность и стабильность своего экономического положения. Эта группа людей неоднородна, и ее внутренняя дифференциация определяется уровнем квалификации, то есть подразумевает наличие работников трех разных категорий (квалифицированных, полуквалифицированных, неквалифицированных).

Негативная привилегированность в социальном классе характеризовала, на взгляд М. Вебера, в основном лиц, занятых физическим трудом, вынужденных продавать лишь свою способность к физическому труду и занимающих вследствие этого низкое положение в профессионально-должностной иерархии.

Наряду с полярными ситуациями привилегированности М. Вебер выделял также ситуации, характеризующие промежуточное положение «средней привилегированности». Главным образом это люди, имеющие возможности относительного доминирования (по отношению к лицам с негативной привилегированностью) за счет характера и содержания своего труда, однако сильно ограниченные либо отсутствием наемных работников, либо сравнительно низкой занимаемой позицией в должностной иерархии, либо недостаточно выгодной для них ситуацией на рынке. В качестве примера таких групп М. Вебер приводит фермеров и ремесленников, мелких и средних чиновников и должностных лиц, занятых как в коммерческих, так и в государственных структурах, основную часть лиц свободных профессий (художников, артистов и т. д.), а также некоторых работников с уникальными позициями внутри организации.

⁷ Видимо, имеются в виду неимущие граждане Рима, которые служили городу тем, что производили потомство, поскольку в силу своей бедности они были освобождены от налогов и не допускались к службе в легионах. Сам автор более подробных пояснений не дает.

Развитие классической трактовки жизненных шансов в индустриально развитом обществе

Практически сразу концепция жизненных шансов М. Вебера получила всемирное признание и дальнейшее развитие, хотя углубление этой концепции и даже сама трактовка ЖШ у разных авторов заметно различались и различаются до сих пор. Так, Р. Брин предлагает рассматривать имеющиеся у индивидов ЖШ прежде всего через получение доступа к редким и ценным благам [Breen, 2005]. Э. Гидденс понимает ЖШ как «возможности, которыми индивид обладает при распределении социально созданных экономических или культурных благ, присутствующих обычно в любом обществе» [Giddens, 1973: 130-131]. Д. Эйцен и М. Зинн настаивают, что характерная особенность ЖШ в том, что они описывают долгосрочную ситуацию в жизни, поскольку характеризуют шансы на «качественную жизнь» и «благоприятный опыт на протяжении всего жизненного пути» [Eitzen, Zinn, 1989]. Как видно, по мере роста значимости нематериальных активов в жизни общества и экономики [Becker, 1962; Grusky, 2001] число жизненных сфер, в которых протекает стратификация общества, возросло. Поэтому анализ поствеберовского опыта операционализации концепции ЖШ может быть организован по ключевым доменам, захватывающим экономические и неэкономические сферы жизни общества.

Экономические домены

Бесспорно, в индустриально развитых обществах ключевая сфера, в которой наблюдается (и, следовательно, должно анализироваться) неравенство жизненных шансов, — это экономическая сфера. Развитие неовеберовских взглядов на ЖШ и их применение для анализа развитого индустриального общества привело к разделению учеными этой сферы и ЖШ в ней на три относительно самостоятельных домена: 1) сферу «экономической безопасности» [Chan, Goldthorpe, 2007a; Erikson, Goldthorpe, 1992]⁸, замыкающуюся на отношения к собственности и финансовые возможности, 2) производственные отношения, характеризующие возможности в сфере труда и занятости, а также 3) сферу потребления (в том числе досуга), связанную с уровнем и качеством жизни.

Операционализация сферы экономической безопасности фактически конкретизирует и уточняет показатели, предложенные М. Вебером для экономического класса. Так, к показателям положительной привилегированности в сфере экономической безопасности, даже при отсутствии этой терминологии, авторы обычно относят: а) дополнительная ликвидная недвижимость, которая либо может сдаваться в аренду, либо быть продана, то есть использована на рынке для получения дохода, а также б) банковские вклады, сбережения и различные формы инвестиций, позволяющие прожить на них длительное время (например,

⁸ Авторы не придерживались терминологии М. Вебера о позитивной и негативной привилегированности, но идея полярности все же находит отражение в их работах в противопоставлении «жизненных шансов» и «рисков». Однако стоит отметить, что хотя для локальных целей стратификационных исследований проблематика рисков может быть плодотворна (особенно когда они анализируются как следствие классовой структуры, как в работе [Chan, Goldthorpe, 2007a]), при рассмотрении ЖШ как причинного компонента социальной структуры использование понятия рисков вместо «негативной привилегированности» уже не столь эффективно в силу большей неопределенности, отсутствия некоего среднего «мерила» для их оценки из-за специфики набора рисков для разных социальных групп и «размазанности» этих рисков по всему обществу.

не менее полугода) при утрате обычных источников дохода. К показателям негативной привилегированности относятся: а) множественные или крупные долговые обязательства и неэластичные расходы, которые снижают контроль над доходом и увеличивают риск обеднения среднего класса [Van Kempen, 1994], а также б) нестабильность самих доходов, вызванная отсутствием постоянной занятости [Kallenberg, Reskin, Hudson, 2000] и слабым контролем над своей зарплатой, в последнее время все больше распространяющаяся [Standing, 2011].

Показатели ЖШ в производственной сфере получили фундаментальную проработку у представителей «отношенческого» направления классового анализа — как у неовеберийцев [Erikson, Goldthorpe, 1992; Goldthorpe, Llewellyn, Payne, 1987; Goldthorpe, McKnight, 2006], так и у неомарксистов [Dahrendorf, 1979; Scott, 2002; Wright, 1989]. Основу классового деления в рамках неовеберийского подхода составляют *отношения занятости* и *рыночная ситуация*, измеряемые через специфику заключенного контракта и систему договоренностей, сложившихся между работодателем и наемным работником [Goldthorpe, 2002]. Альтернативная точка зрения была предложена в рамках аналитического марксизма Э. Райта, выведшего классовую структуру из специфики *производственных отношений*, место в которых определялось отношением к эксплуатации [Wright, 1997, 2000, 2005b]⁹.

Таким образом, веберовская идея о степени важности «полезности оказываемых услуг» в этом домене изучения ЖШ дополняется марксистским понятием «отчуждение в труде». Будучи следствием отношений эксплуатации и доминирования, этот вид отчуждения проявляется не в контроле над продуктом труда или общим доходом от него (как происходит с *отчуждением продукта труда*, относящимся к сфере экономической безопасности), а в *дифференцированном контроле над самим трудом* [Wright, 1989] и специфике ресурса влияния работника внутри организации. Согласно классическому марксизму и его неомарксистским разновидностям, отчуждение в труде характерно для большинства работающего населения (главным образом в силу отсутствия у работников собственности на такие активы, которые позволяют им значимо влиять на характер и условия своей занятости), поэтому учет этого показателя со стороны негативной привилегированности просто по факту его отсутствия не позволит выявить специфику положения групп. Гораздо продуктивнее рассматривать отчуждение в труде через призму минимизации этого эффекта у работников (степени отчуждения), что при прочих равных будет свидетельствовать о более сильных переговорных позициях работника и в целом — о наличии дополнительных возможностей в производственной сфере.

К положительной привилегированности в производственной сфере, таким образом, можно отнести как полное отсутствие отчуждения в труде по месту работы, так и ослабленные формы этого отчуждения, предполагающие контроль над собственным трудом (автономию) и ресурс влияния на принятие решений

⁹Хотя оба эти подхода связывались с именами К. Маркса и М. Вебера, они содержат достаточно много пересечений. Например, центральное место в схемах и Дж. Голдторпа, и Э. Райта [Goldthorpe, 2002; Wright, 2005b] особенно в поздних его работах) занимают квалификация и востребованность человека в организации, другими словами, человеческий капитал [Becker, 1962; Becker, 1975; Schultz, 1960] (О генезисе теории человеческого капитала см. подробно: [Аникин, 2017]). Как бы то ни было, оба автора создали многомерные стратификационные схемы, которые составляют золотой фонд классового анализа современных обществ.

(авторитет) на работе [Erikson, Goldthorpe, 1992]. Другой значимый показатель положительной привилегированности в сфере производства — «обеспечение... рабочими местами... а также доступ к ним» [Dahrendorf, 1979], особенно наличие постоянной работы [Mazziotta, Pareto, 2017], становящейся все более редкой и все менее институционально защищенной [Doellgast, Lillie, Pulignano, 2018] в эпоху распространения нестандартных форм занятости и прекаризации. При этом работа должна удовлетворять притязания работников в профессиональном и карьерном плане.

Еще один значимый показатель в ряду положительной привилегированности в производственной сфере, который невозможно обойти стороной, — наличие дополнительных благ по месту занятости, связанных со спецификой контрактных отношений работника и работодателя [Erikson, Goldthorpe, 1992]. В зависимости от типа контракта жизненные возможности человека не только в плане его экономической безопасности, особенностей процесса труда или карьерных перспектив, но и в плане социальной защищенности и текущих доходов могут существенно различаться. Этот индикатор может иметь особое значение для России. Так, результаты ежегодного мониторинга российского общества, проводимого Институтом социологии ФНИСЦ РАН, показывают, что дополнительные социальные блага на рабочем месте стали редкостью не только для квалифицированных специалистов с высшим образованием, но и для менеджеров среднего звена [Anikin, 2017; Аникин, 2016; Тихонова, Каравай, 2017].

В качестве главных компонентов негативной привилегированности в производственной сфере обычно, наоборот, рассматривается нахождение на профессиональных позициях с низким уровнем власти, риски длительной безработицы [Chan, Goldthorpe, 2007a], несоблюдение законодательства на работе (или «прав, связанных с занимаемой должностью» [Dahrendorf, 1979]), а также неблагоприятные условия занятости [Beck, 2009], явившиеся следствием повышенной нормы эксплуатации и низких зарплат (что особенно актуально в современной России [Manning, Tikhonova, 2017; Аникин, Тихонова, 2014]), или вредные условия труда.

Однако ключевыми для большинства современных приверженцев неовеберрианской традиции выступают ЖШ в сфере потребления и досуга — и, учитывая формирование в позднеиндустриальную эпоху «общества потребления», — это неудивительно. Положительная привилегированность в сфере потребления подразумевает наличие «опыта материального достатка» [Erikson, Goldthorpe, 1992] и «перспективы продолжительного материального благополучия, в том числе в старости» [Chan, Goldthorpe, 2007a; Erikson, Goldthorpe, 1992], что отражает динамический аспект проблемы, а также текущие возможности расширенного стиливого товарного потребления [Tumin, 1973], связанные с «накоплением и использованием предоставляемых товаров и услуг» [Dahrendorf, 1979] и особой комфортностью жилищных условий [Popova, Pishniak, 2016]. Симметрично негативная привилегированность в сфере потребления предполагает пищевые депривации [Alkire, Seth, 2013; Давыдова, 2003], суженный, по меркам большинства населения, стандарт потребления товаров длительного пользования, а также низкий стандарт жилищных условий в месте проживания [Горшков, Тихонова, 2014; Тихонова, 2011, 2014].

Неэкономические домены

По мере увеличения значимости индивида в экономике и ее перехода от позд-неиндустриального к постиндустриальному этапу, существенно возросла роль нематериальных составляющих активов работников, в частности, столь значимых для успешного выполнения их производственных функций личностных особенностей, в результате чего досуг стал рассматриваться как один из важнейших компонентов формирования культурного и социального капитала работников. В современной теории рынка труда часы досуга даже включены в функцию выбора работника. Более того, досуг теперь рассматривается как самоцель человеческой деятельности, и это позволило теоретикам современного общества активно использовать понятия, описывающие новые типы человеческой природы — *homo mobilis* (человека путешествующего [Urry, Larsen, 2011]) и *homo ludens* (человека играющего [Huizinga, 1949; Bauman, 1994]). Досуг связан еще с одним немаловажным аспектом нематериального мерила жизненных шансов, в качестве которого выступают возможности человека поддерживать свой статус и придерживаться определенного стиля жизни [Scott, 2007] и идентичности в эпоху постмодерна [Kernan, Domzal, 2000]. С другой стороны, усиление контроля за «типовой», «родовой» [Castells, 2000] рабочей силой и нарастание конкуренции приводят к тому, что досуг (и особенно полноценный отпуск) становится дефицитным благом. Поэтому хорошие возможности проведения досуга (прежде всего — оплачиваемого отпуска вне дома) стали рассматриваться в качестве бесспорного показателя качества жизни, наличия у человека значимых жизненных шансов в этой области и, следовательно, положительной привилегированности в этой сфере.

В индустриально развитом обществе особое значение приобретает еще один важный компонент жизненных шансов, на который, как было сказано выше, указывал М. Вебер, — внутренняя удовлетворенность. Это так называемые качественные характеристики жизни: уровень удовлетворенности гражданскими свободами, безопасность от насилия, доступ к «красоте природы и искусства» [Daston, 2008: 7]. Все это можно рассматривать как психологические грани человеческого капитала, роль которого в индустриально развитом обществе стала всеобъемлющей. В отличие от доиндустриальных, индустриальные общества (особенно на поздних этапах развития) имеют высоко стратифицированную структуру. Это стало возможным вследствие усиления процессов общественного разделения труда, благодаря чему дифференцировались опыт и образование, умножились технические и профессиональные навыки и, таким образом, возник и расширился средний класс [Erikson, Goldthorpe 1992].

С переходом западных обществ к сервисной экономике в концепции ЖШ произошло усиление стратифицирующей роли тех жизненных сфер, которые связаны с нематериальной стороной, а также отмечался рост многообразия самих этих сфер, связанных с материальным потреблением ЖШ.

Особняком в литературе стоит оригинальная концепция ЖШ, получившая свое развитие в социологии конфликта, и прежде всего в работах Р. Дарендорфа. Остановимся на этой концепции подробнее, поскольку она интересна тем, что исследует не столько объем и распределение жизненных шансов в обществе, сколько то, как ЖШ используются разными индивидами, каковы предпосылки

и ограничения по доступу к тем или иным ЖШ. В целом Р. Дарендорф рассматривает ЖШ как возможности, предлагаемые обществом индивидам, занимающим определенную социальную позицию [Dahrendorf, 1979]. Эти возможности существуют в двух видах — «опций» и «лигатур».

Опции являют собой возможности выбора или альтернативные действия в рамках заданной социальной структуры. Они распадаются на «обеспечение» товарами, услугами, рабочими местами со стороны конкретного общества, включая доступ к ним, а также на «права», связанные с занимаемой должностью (равно как и доходом) и регулирующие доступ к накоплению и использованию предоставляемых товаров и услуг, которые могут существовать как в аскриптивном, так и в неформальном виде. Обеспеченность благами (в том числе общественными благами и сервисами) и доступ к ним во многом являются следствием локальной дифференциации потребностей и материальной обеспеченности. Лигатуры есть не что иное как союзы, узы и связи, в которые индивид включен в силу занимаемой им социальной позиции и соответствующих ролей. Лигатуры формируют чувство социальной принадлежности и локальных связей. Р. Дарендорф утверждал, что в концепции ЖШ нужно учитывать и опции, и лигатуры. Хотя в раннеиндустриальных обществах лигатуры и опции могут изменяться независимо друг от друга, в современных обществах существует тенденция расширения горизонта индивидуального выбора за счет социальных связей. Несмотря на значимость концепции Р. Дарендорфа, ее операционализация существенно затруднена, причем в большей степени это касается именно понятия лигатур.

Эмпирические исследования социальной дифференциации современных обществ

Эмпирических исследований в области ЖШ с целью построения стратификационной модели общества фактически нет. Авторы чаще проводят исследования в области социальной дифференциации [Kaage, 1965], в основу которых положена идея многомерного неравенства, проистекающего из неравного доступа к значимым благам и возможностям, что охватывается работами в области уровня жизни и качества жизни, предлагающими практические решения как для выборочной, так и для официальной статистики [Alkire, Seth, 2013; Noll, 2011; Popova, Pishniak, 2016; Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2010]. Несмотря на видимую схожесть этих подходов с ЖШ, необходимо отметить, что по своей природе они не стратификационные, поскольку всецело служат целям социальной дифференциации, то есть лишь фиксируют различия между индивидами или домохозяйствами, а не идентифицируют устойчивые социальные группы, находящиеся в схожей (классовой) ситуации. Тем не менее индексы уровня жизни могут быть крайне полезны по двум причинам. Во-первых, они содержат богатый опыт операционализации показателей, традиционно актуальных для концепции ЖШ. Во-вторых, обращают на себя внимание сами технологии построения индексов на основе выделенных индикаторов и апробации их на данных опросов населения.

Разберем более подробно одну из последних попыток создания композитного индекса уровня жизни, предложенного в работе Д. Поповой и А. Пишняк [Popova, Pishniak, 2016], которая может быть полезной при операционализации

ЖШ на материале выборочных обследований российского общества. Авторы начинают с более общих доменов. Самый важный из них касается измерителей «безопасности доходов». В наших терминах, позитивная привилегированность в этой сфере оценивается исследователями через наличие определенной части дохода, направляемой на сбережения, а негативная — через наличие долгов по аренде жилья за последние 12 месяцев. ЖШ в сфере «базовых индивидуальных и социальных потребностей» авторы измеряют через набор параметров жизни, которые индивиды могут (или не способны) себе позволить. В частности, оцениваются возможности по потреблению мяса, курицы или рыбы каждый второй день; оплаты медицинских услуг (за исключением дорогостоящих операций); оплаты образования членам домохозяйства в случае необходимости; покупке новой одежды (а не секонд-хенд); обновлению устаревшей мебели; поддержанию социализации на определенном уровне (наличие возможности хотя бы раз в месяц с друзьями или семьей провести вечер вне дома); оплате недельного ежегодного отпуска вдали от дома. Стоит сказать, что прямое заимствование перечисленных показателей в рамках домена базовых потребностей человека может быть не самым продуктивным, поскольку здесь смешиваются показатели, выделенные по разным основаниям — например, относящиеся к сфере пищевой депривации, производственной сфере, а также сфере образования и здоровья.

ЖШ в сфере экономического потребления определяются авторами через доступ к товарам длительного пользования и недвижимости, что отражает сложившуюся традицию в построении композитных индексов в сфере депривации и благосостояния, в том числе применительно к России [Тихонова, 2014]. Набор товаров длительного пользования также соответствует существующим исследовательским практикам, хотя, очевидно, не является исчерпывающим. Так, Д. Попова и А. Пишняк предлагают учитывать владение цветным ТВ, посудомоечной машиной, телефоном (стационарным или мобильным), видеомэгафоном или DVD-плеером, микроволновкой, персональным компьютером или ноутбуком, легковым автомобилем (или минивэном), доступным для частного использования, вторым автомобилем, а также вторым жильем (летний коттедж или дом, квартира, зимний дом).

Авторы также предлагают оценивать ЖШ в жилищной сфере. Определяются они через следующие показатели. Это прежде всего владение жильем; доступность раздельного жилья; доступность коммунальных услуг: центральный водопровод, центральное отопление или газ, подключенный газ или электрическая плита, канализация, душ/ванна, подача горячей воды; размер жилищной площади по следующим критериям: а) минимальные федеральные стандарты для домохозяйств разного размера, б) количество комнат в жилище (исключая кухню, ванную комнату, санузел, а также комнаты, используемые для бизнеса, коридор или кладовки)¹⁰; а также субъективное измерение материального благополучия, которое оценивается по следующим вопросам: «насколько вы сводите концы с концами?» и «как бы вы описали свои жилищные условия?».

¹⁰ При этом авторы используют следующую формулу: количество комнат на домохозяйство эквивалентного размера = количество комнат / (количество взрослых без партнера × 1 + количество взрослых с партнером × 0,5 + количество детей младше 18 лет × 0,5).

При построении итогового индекса Д. Попова и А. Пишняк применяют веса, которые основываются на двух показателях: а) географическая зона (крупные региональные центры, города, поселки городского типа, сельские поселения), б) композиция домохозяйства (домохозяйства из взрослых экономически активного возраста с детьми моложе 18 лет, те же домохозяйства без детей, а также домохозяйства, состоящие из пенсионеров без детей).

Как видно, композитные индексы, при всех их ограничениях, могут содержать довольно широкий список показателей, полезных при операционализации жизненных шансов в целях стратификации индустриально развитых обществ. Стоит еще раз обратить внимание на то, что общая черта этих обществ — возросшая роль нематериальных составляющих экономического развития, в частности, человеческого потенциала [Sen, 1983, 1999]. Повышение значимости человеческого потенциала в экономике привело к тому, что при оценке основных ЖШ человека стали учитываться не только доступ к качественному образованию или медицинским услугам, но и (при оценке негативной привилегированности) ограничения, накладываемые на его жизнь плохим здоровьем [Deaton, 2008; Steptoe, Deaton, Stone, 2015]. При этом трактовка ЖШ в сферах образования и здоровья в последние десятилетия существенно трансформировалась [Johnson, Robertson, Cooper, 2018].

По мере возрастания роли непрерывного обучения¹¹ и осознания значимости инвестиций в образование на самых ранних этапах жизненного цикла [Cunha, Heckman, Schennach, 2010; Heckman, 2000, 2006] на первый план вышла включенность населения в разнообразные формы повышения квалификации и инвестиций в свой человеческий капитал. Прежде всего это наращивание навыков существования в цифровой среде, а также возможность инвестировать в детей и доступ к необходимому платному образованию (или, выражаясь в терминах М. Вебера, возможность «монополизировать привилегии социально привлекательных видов образования» [Weber, 1978]). В условиях, когда третичное образование в России стало повсеместным¹², доступность высшего образования не оказывает уже такой значимой стратифицирующей роли, как это было 40-50 лет назад. Куда большее значение имеет доступ к наиболее качественному образованию, которое, как правило, связано с дополнительными финансовыми затратами. То же касается и положительной привилегированности в сфере здоровья — значение имеет не любая получаемая медицинская помощь, а то, что индивид имеет доступ к более качественным медицинским и оздоровительным услугам, за которые он готов платить (по официальному тарифу). В негативной же привилегированности значение имеет уже не столько наличие заболеваний, в том числе инвалидности, сколько невозможность в силу их наличия поддерживать типичный для членов определенного общества образ жизни¹³, а также недоступность необходимой медицинской помощи при наличии заболеваний.

¹¹ OECD. OECD Skills Outlook 2017: Skills and global value chains. Paris: OECD Publishing, 2017.

¹² OECD. Russian Federation. *Education at a Glance: OECD Indicators*. Ed. Paris: OECD Publishing, 2016.

¹³ Именно из этой трактовки вытекает и вся реализуемая в развитых странах политика инклюзии инвалидов, призванная устранить не только их дискриминацию по этому признаку, но и их негативную депривированность по аскриптивным основаниям в целом.

Ключевые домены и показатели жизненных шансов

Обобщенные результаты проведенной операционализации жизненных шансов в разрезе положительной и негативной привилегированности для целей стратификации общества на базе стандартного выборочного обследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. Показатели положительной и негативной привилегированности ЖШ индивидов в ключевых жизненных сферах современного общества

Показатели позитивной привилегированности	Показатели негативной привилегированности
1. Сфера экономической безопасности	
<p>Наличие расширенных возможностей текущего потребления на базе инвестиций, которые не приводят к быстрому уничтожению своей стоимости в процессе потребления и создают, к тому же, за счет возможности реализации на рынках соответствующих активов, ощущение «запаса прочности» без трудового вклада, например:</p> <p>Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья;</p> <p>Обладание любой иной жилой недвижимостью помимо основного жилья (возможно, при условии наличия автомобиля);</p> <p>Наличие значимых форм инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них длительное время при утрате обычных источников дохода.</p>	<p>Наличие обстоятельств, затрудняющих нормальную и полноценную жизнь в данный момент, например:</p> <p>Наличие множественных или крупных долговых обязательств, включая ипотеку, а также высокую долговую нагрузку по отношению к уровню доходов;</p> <p>Значительные неэластичные текущие расходы (по аренде жилья, по обеспечению инвалидов или лиц с плохим здоровьем медицинской помощью и лекарствами и т. п.);</p> <p>Нестабильность доходов (сезонная, временная работа или разовые приработки при отсутствии постоянной занятости; задержки зарплаты; неоплачиваемые отпуска).</p>
2. Производственная сфера	
<p>Отсутствие или минимизация эффекта отчуждения в труде по месту работы (например, контроль над собственным трудом и ресурс влияния на принятие решений в организации).</p> <p>Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства представителей данного социума (интересной, престижной, дающей возможности самореализации и построения карьеры и т. п.).</p> <p>Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости (соцпакет: жилье, транспорт, медицинская помощь, питание, ссуды и т. п.).</p>	<p>Риски длительной безработицы (допускается также учет субъективных оценок категоричной невозможности найти работу не хуже нынешней).</p> <p>Несоблюдение законодательства на работе (отсутствие официального оформления, множественные нарушения трудовых прав, в частности, неоплачиваемый больничный лист, серая зарплата и т. п.).</p> <p>Неблагоприятные условия занятости (неоплачиваемые сверхурочные при условии перегрузок, задержки заработной платы, вынужденная работа на сокращенном рабочем дне или неделе и т. п.).</p>

Показатели позитивной привилегированности	Показатели негативной привилегированности
<i>3. Возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала</i>	
<p>Возможность монополизировать привилегии социально привлекательных видов образования (доступность платного образования для взрослых и возможности инвестировать в развитие детей).</p> <p>Возможность использовать необходимые формы заботы о здоровье (доступ к более качественным платным медицинским и оздоровительным услугам, ДМС).</p> <p>Наличие навыков существования в цифровой среде (как минимум многообразие целей работы с интернетом при его регулярном использовании).</p>	<p>Недоступность необходимого образования (крайне низкая самооценка возможностей его получения; реальный уровень образования ниже полного общего среднего, определяющего безусловную норму «образованности» в современном обществе).</p> <p>Вероятность значимого ухудшения здоровья из-за недоступности необходимой медицинской помощи и/или работы на вредных производствах (недоступность для домохозяйств, к которым относится респондент, получения необходимой медицинской помощи и покупки требуемых лекарств).</p> <p>Отсутствие доступа к информационным технологиям в повседневной жизни (нет средств доступа — компьютеров, смартфонов — и/или навыков использования ИТ).</p>
<i>4. Особенности потребления и досуга</i>	
<p>Возможность расширенного стилевого товарного потребления (повышенное число товаров длительного пользования в домохозяйстве и присутствие в их наборе престижных и редких товаров, нехарактерных для большинства членов социума).</p> <p>Особая комфортность жилищных условий (сверхнормативная обеспеченность квадратурой и по количеству комнат при наличии коммунальных удобств и с учетом состава домохозяйств).</p> <p>Хорошие (расширенные) возможности проведения отпуска (проведение отпуска хотя бы раз в год вне дома, приобретение путевок, турпоездки и т. п.).</p>	<p>Суженный стандарт предметного потребления (отсутствие базового набора товаров длительного пользования в домохозяйстве).</p> <p>Плохие жилищные условия (отсутствие коммунальных удобств (электричества, горячей воды и канализации) в занимаемом жилье, общая площадь менее «нормы» на человека, а также проживание нескольких домохозяйств в одном жилище).</p> <p>Наличие пищевых деприваций (крайне негативная характеристика своего питания, включение плохого питания в число основных беспокоящих проблем, экономия на еде в целом (расходы на питание менее чем в 50% доходов домохозяйства) или на значимых для здоровья видах пищи — мясных и рыбных продуктах, фруктах).</p>

Примечание. Формулировки доменов и данных показателей были составлены при непосредственном участии Н. Е. Тихоновой, С. В. Мареевой, Ю. П. Лежниковой и А. В. Каравай.

Несмотря на то, что конкретные индикаторы показателей положительной и негативной привилегированности ЖШ могут варьироваться в зависимости от специфики того или иного выборочного обследования, предложенные показатели относительно универсальны и могут быть применены как минимум к трем крупным российским эмпирическим базам данных: Российскому мониторингу экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, Мониторинговому исследованию Института социологии ФНИСЦ РАН, а также социологическому

опросу Института социальной политики НИУ ВШЭ. В *Приложении* читатель может ознакомиться с применением рассмотренной автором схемы операционализации к данным общенационального Мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН за 2015 и 2018 гг. Более подробно индикаторы рассмотренных показателей и их интегральная эмпирическая оценка на этих массивах данных описаны в работах [Anikin et al., 2017; Тихонова, 2018].

Заключение

В заключение стоит отметить, что концепция жизненных шансов обладает большим потенциалом для исследований социальной стратификации. Наш анализ показал, что жизненные шансы могут выступать самостоятельной конституирующей единицей социальной структуры, а не просто рассматриваться как ее следствие. Мы пока еще находимся на пути разработки аналитического инструмента, позволяющего выделить классовые ситуации и находящихся в них индивидов, тем не менее, предложенный в статье профиль операционализации ЖШ может позволить решить задачу социальной дифференциации населения, что является первым и неотъемлемым шагом в стратификационных исследованиях. В основу методологического ядра предложенной операционализации ЖШ положена идея М. Вебера о дифференциации пространства ЖШ через призму положительной и негативной привилегированности. Данная идея достаточно продуктивна при аналитической проработке концепции ЖШ для целей стратификационного исследования, поскольку ее применение позволяет зафиксировать отклонение от принятой в современном обществе «нормы» в многомерном пространстве распределения ЖШ, тем самым увязав модель стратификации общества с его национальной спецификой.

Что касается жизненных сфер реализации ЖШ, то в данной статье были выделены показатели положительной и негативной привилегированности в четырех важнейших доменах: в сфере экономической безопасности (экономические условия жизни), в производственной сфере (ситуация на работе), в сфере образования и здоровья (возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала), а также в сфере потребления и досуга. Стоит признать, что данным набором не исчерпывается список возможных доменов. Так, эмпирические исследования позволяют выделить домены, связанные с состоянием отношений с близкими и окружающими, а также социально-психологическим и эмоциональным состоянием индивидов. Неравенство ЖШ в этих доменах сложно переоценить в постиндустриальном обществе. Однако, учитывая, что российское общество пока еще решает проблемы, характерные для обществ, находящихся на этапе позднеиндустриального развития (в частности, проблемы формирования пояса экономической безопасности, условий для профессионального и карьерного роста и возможностей воспроизводства способности к труду, а также доступа к качественному образованию и медицине), многомерная стратификация россиян именно в рассмотренных в статье жизненных сферах является первоочередной задачей.

Предложенный набор показателей ЖШ в рамках этих сфер основывается на мировом теоретико-методологическом и исследовательском опыте и может

быть использован в эмпирических исследованиях неравенства в России. И все же главная задача этой операционализации — предложить эффективный инструмент многомерной стратификации современного российского общества на базе осуществляемых сегодня выборочных обследований. И хотя эта задача уже успешно реализуется, стоит признать, что еще многое предстоит сделать, в частности, выработать валидный механизм определения однородных групп на основе эмпирической оценки рассмотренных показателей, чему, хочется надеяться, будут посвящены наши будущие работы.

Список литературы (References)

Аникин В. А. Кризис и национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 203-232. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.12>.

Anikin V. A. (2016) Crisis and Russian National Identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 203-232. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.12>. (In Russ.)

Аникин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 120—156.

Anikin V. (2017) Human Capital: Genesis of Basic Concepts and Interpretations. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 18. No. 4. P. 120—156. (In Russ.)

Аникин В. А., Тихонова Н. Е. Бедность в России на фоне других стран // Мир России. Социология. Этнология. 2014. Т. 23. № 4. С. 59—95.

Anikin V. A., Tikhonova N. E. (2014) Framing Contemporary Russian Poverty in the Context of Different Nations. *Mir Rossii*. Vol. 23. No. 4. P. 59—95. (In Russ.)

Горшков М. К., Тихонова Н. Е. (Eds.). Бедность и бедные в современной России. М.: Весь Мир. 2014.

Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (Eds.) (2014) Poverty and poor in contemporary Russia. Moscow: Ves' Mir Publishers. (In Russ.)

Давыдова Н. М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 88—96.

Davydova N. M. (2003) Deprivation approach in poverty assessments. *Sociological Studies*. No. 6. P. 88—96. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24—35.

Tikhonova N. E. (2011) Lower class in the social structure of Russian society. *Sociological Studies*. No. 5. P. 24—35. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН. 2014.

Tikhonova N. E. (2014) Social Structure in Russia: Theory and Reality. Moscow: Novyj Khronograf. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53—65.

Tikhonova N. E. (2018) Stratification by life chances of mass strata in modern Russian society. *Sociological Studies*. No. 6. P. 53—65. (In Russ.)

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Влияние экономического кризиса 2014—2016 годов на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 1—17. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.01>.

Tikhonova N. E., Karavay A. V. (2017) The Impact of the 2014—2016 economic crisis on the employment of Russian. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 1—17. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.01>. (In Russ.)

Alkire S., Seth S. (2013) Selecting a targeting method to identify BPL households in India // *Social indicators research*. Vol. 112. No. 2. P. 417—446. <https://doi.org/10.1007/s11205-013-0254-6>.

Anikin V. A. (2017) Russia in Post-Transition: New Frontiers. *The Journal of Comparative Economic Studies*. Vol. 12. P. 79—100.

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Tikhonova N. E. (2017). Stratification by life chances: Evidence from Russia. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 80/SOC/2017. Moscow: National Research University Higher School of Economics.

Bauman Z. (1994) Desert Spectacular. In: *The Flaneur*. K. Tester (ed.). 1st ed. London: Routledge. 1994. P. 138—157. https://doi.org/10.4324/9780203420713_chapter_7.

Beck U. (2009) *World at risk*. Cambridge: Polity.

Becker G. S. (1962) Investment in human capital: A theoretical analysis. *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. P. 9—49. <https://doi.org/10.1086/258724>.

Becker G. S. (1975) *Human capital*. Chicago: University of Chicago Press.

Bourdieu P. (1984) *Distinction: A social critique of the judgement of taste*. Harvard: Harvard University Press.

Breen R. (2005) Foundations of a neo-Weberian class analysis. In: *Approaches to class analysis*. Ed. by E. O. Wright. Cambridge: Cambridge University Press. P. 31—50.

Castells M. (2000) Materials for an exploratory theory of the network society. *British Journal of Sociology*. Vol. 51. No. 1. P. 5—24. <https://doi.org/10.1080/000713100358408>.

Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2004) Is there a status order in contemporary British society? Evidence from the occupational structure of friendship. *European Sociological Review*. Vol. 20. No. 5. P. 383—401. <https://doi.org/10.1093/esr/jch033>.

Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2007a) Class and status: The conceptual distinction and its empirical relevance. *American sociological review*. Vol. 72. No. 4. P. 512—532. <https://doi.org/10.1177/000312240707200402>.

Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2007b) Social Status and Newspaper Readership. *American Journal of Sociology*. Vol. 112. No. 4. P. 1095—1134. <https://doi.org/10.1086/508792>.

Cunha F., Heckman J. J., Schennach S. M. (2010) Estimating the technology of cognitive and noncognitive skill formation. *Econometrica*. Vol. 78. No. 3. P. 883—931. <https://doi.org/10.3982/ECTA6551>.

Dahrendorf R. (1979) *Life chances: approaches to social and political theory*. Chicago: University of Chicago Press.

Daston L. (2008) Life, chance & life chances. *Daedalus*. Vol. 137. No. 1. P. 5—14. <https://doi.org/10.1162/daed.2008.137.1.5>.

Deaton A. (2008) Income, health and wellbeing around the world: Evidence from the Gallup World Poll. *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 22. No. 2. P. 53—72. <https://doi.org/10.1257/jep.22.2.53>.

Doellgast V., Lillie N., Pulignano V. (2018) From dualization to solidarity: Halting the cycle of precarity. In: *Reconstructing solidarity: Labour unions, precarious work, and the politics of institutional change in Europe*. Oxford: Oxford University Press. P. 1—41. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198791843.003.0001>.

Duncan O. D. (1961) A socioeconomic index for all occupations. *Occupations and Social Status*. Ed. by A. Reiss. New York: Free Press.

Eitzen D. S., Zinn M. B. (1989) *The Reshaping of America: Social Consequences of the Changing Economy*. Ed. by D. S. Eitzen, M. B. Zinn. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall.

Erikson R., Goldthorpe J. H. (1992) *The constant flux: A study of class mobility in industrial societies*. Oxford: Clarendon Press.

Giddens A. (1973) *The Class Structure of the Advanced Societies*. London: Hutchinson.

Goldthorpe J. H. (2002) Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's «Research Agenda». *Acta Sociologica*. Vol. 45. No. 3. P. 211—217. <https://doi.org/10.1177/000169930204500303>.

Goldthorpe J. H., Llewellyn C., Payne C. (1987) *Social mobility and class structure in modern Britain*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press.

Goldthorpe J. H., McKnight A. (2006) The economic basis of social class. In: *Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics*. Ed. by S. L. Morgan, D. B. Grusky, G. S. Fields. California: Stanford University Press. P. 109—137.

Grusky D. B. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality. In: *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. Ed. by D. B. Grusky. Boulder: Westview Press. P. 3—51.

Heckman J. J. (2000) Policies to foster human capital. *Research in Economics*. Vol. 54. No. 1. P. 3—56. <https://doi.org/10.1006/reec.1999.0225>.

Heckman J. J. (2006) Skill formation and the economics of investing in disadvantaged children. *Science*. Vol. 312. No. 5782. P. 1900—1902. <https://doi.org/10.1126/science.1128898>.

Huizinga J. (1949) *Homo Ludens: A study of the play-element in culture*. Routledge.

Johnson S., Robertson I., Cooper C. (2018) *Well-being: Productivity and happiness at work*. 2nd ed. Gewerbestrasse: Springer.

Kaare S. (1965) *Social Differentiation*. New York: David McKay Company.

Kallenberg A. L., Reskin B. F., Hudson K. (2000) Bad Jobs in America: Standard and Nonstandard Employment Relations and Job Quality in the United States. *American Sociological Review*. Vol. 65. P. 256—278. <https://doi.org/10.2307/2657440>.

Kernan J. B., Domzal T. J. (2000) Getting a Life: Homo Ludens as Postmodern Identity. *Journal of Travel & Tourism Marketing*. Vol. 8. No. 4. P. 79—84. https://doi.org/10.1300/J073v08n04_06.

Kingston P. W. (2000) *The Classless Society*. Stanford: Stanford University Press.

Manning N., Tikhonova N. (Eds.) (2017) *Poverty and social exclusion in the new Russia*. 2nd ed.: Routledge.

Marx K. (1859) *Zur Kritik der Politischen Ökonomie*. Erstes Heft ed. Berlin: Duncker.

Mazziotta M., Pareto A. (2017) Measuring Well-Being Over Time: The Adjusted Mazziotta–Pareto Index Versus Other Non-compensatory Indices. *Social Indicators Research*. No. 1. P. 1—10.

Noll H.-H. (2011) The Stiglitz-Sen-Fitoussi-report: Old wine in new skins? Views from a social indicators perspective. *Social Indicators Research*. Vol. 102. No. 1. P. 111—116. <https://doi.org/10.1007/s11205-010-9738-9>.

Pakulski J., Waters M. (1996) *The Death of Class*. London: Sage.

Parsons T. (1963) On the concept of influence. *Public opinion quarterly*. Vol. 27. No. 1. P. 37—62. <https://doi.org/10.1086/267148>.

Popova D., Pishniak A. (2016) Measuring individual material well-being using multidimensional indices: an application using the Gender and Generation Survey for Russia. *Social Indicators Research*. Vol. 125. No. 3. P. 1—28.

Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., ... & Miles A. (2013) A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment. *Sociology*. Vol. 47. No. 2. P. 219—250. <https://doi.org/10.1177/0038038513481128>.

Schultz T. W. (1960) Capital formation by education. *The Journal Of Political Economy*. Vol. 68. No. 6. P. 571—583. <https://doi.org/10.1086/258393>.

Scott J. (2002) Social class and stratification in late modernity. *Acta Sociologica*. Vol. 45. No. 1. P. 23—35. <https://doi.org/10.1080/00016990252885771>.

Scott J. (2007) Power, Domination and Stratification: Towards a Conceptual Synthesis. *Sociologia Problemas e Praticas*. No. 55. P. 25—39.

Sen A. (1983) Development: Which way now? *The Economic Journal*. Vol. 93. No. 372. P. 745—762. <https://doi.org/10.2307/2232744>.

Sen A. (1999) Development as freedom. Oxford: Oxford University Press.

Smith K. (2007) Operationalizing Max Weber's probability concept of class situation: the concept of social class. *The British Journal of Sociology*. Vol. 58. No. 1. P. 87—104. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2007.00140.x>.

Standing G. (2011) The precariat: The new dangerous class. London: A&C Black.

Steptoe A., Deaton A., Stone A. A. (2015) Subjective wellbeing, health, and ageing. *The Lancet*. Vol. 385. No. 9968. P. 640—648. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(13\)61489-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(13)61489-0).

Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J.-P. (2010) Mismeasuring our lives: Why GDP Doesn't add up. New York: The New Press.

Tumin M. M. (1973) Patterns of Society: Identities, Roles, Resources. Boston, MA: Little, Brown.

Urry J., Larsen J. (2011). The Tourist Gaze 3.0. London: Sage. 2011

Van Kempen E. T. (1994) The dual city and the poor: social polarisation, social segregation and life chances. *Urban Studies*. Vol. 31. No. 7. P. 995—1015. <https://doi.org/10.1080/00420989420080911>.

Weber M. (1994) Class, Status, Party. *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. Ed. by David B. Grusky. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press.

Weber M. (1978) Economy and society. Ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: University of California Press.

Weeden K. A., Grusky D. B. (2005) The case for a new class map. *American Journal of Sociology*. Vol. 111. No. 1. P. 141—212. <https://doi.org/10.1086/428815>.

Weininger E. B. (2005) Pierre Bourdieu on social class and symbolic violence. *Approaches to class analysis*. Ed. by E. O. Wright. Cambridge: Cambridge University Press.

Wright E. O. (1989) A General Framework for the Analysis of Class Structure. In: The debate on classes. Ed. by E. O. Wright, others. New York: Verso. P. 269—348.

Wright E. O. (1997) Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press.

Wright E. O. (2000) Class, Exploitation, and Economic Rents: Reflections on Sørensen's «Sounder Basis». *American Journal of Sociology*. Vol. 105. No. 6. P. 1559—1571. <https://doi.org/10.1086/210464>.

Wright E. O. (2005a) Conclusion: If «class» is the answer, what is the question? In: *Approaches to class analysis*. Ed. by E. O. Wright. Cambridge: Cambridge University Press. P. 180—192. <https://doi.org/10.1017/CB09780511488900.008>.

Wright E. O. (2005b) Foundations of a neo-Marxist Class Analysis. In: *Approaches to class analysis*. Ed. by E. O. Wright. Cambridge: Cambridge University Press. P. 4—30. <https://doi.org/10.1017/CB09780511488900.002>.

Приложение

Пример расчета показателей и индикаторов положительной и негативной привилегированности жизненных шансов индивидов в ключевых жизненных сферах современного общества на базе общенационального Мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН за 2015 и 2018 гг. (стандартная выборка, 4000 респондентов)

ПП/НП	Показатели	Индикаторы	Вопросы	2015 %	2018 %		
1. Экономические условия жизни							
ПП	Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья помимо того, в котором проживает респондент		Что из перечисленного ниже находится в собственности Вашей семьи? — Второе жилье (квартира, зимний дом, апартаменты, таунхаус и т.п.) ...	4,3	4,1		
			Что из перечисленного ниже находится в собственности Вашей семьи? — Дача, садово-огородный участок с домом ... Имеет ли Ваша семья (т.е. все проживающие совместно с Вами родственники) следующие предметы и если имеет, то сколько им примерно лет? — Отечественный автомобиль и иномарка любого возраста ...	19,1	18,3		
			Если говорить о Вашей финансовой ситуации, то что из перечисленного ниже Вы (Ваша семья) имеете? — Сбережения, достаточные, чтобы Вы и Ваша семья могли прожить на них не менее года ...	8,3	7,5		
НП	Наличие множественных или крупных долговых обязательств, включая, например, наличие ипотеки, а также высокая долговая нагрузка по отношению к уровню доходов		Если говорить о Вашей финансовой ситуации, то что из перечисленного ниже Вы (Ваша семья) имеете? (УЧИТЫВАЮТСЯ ЛЮБЫЕ 2 И БОЛЕЕ ВИДОВ ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ) — Невыплаченные полностью кредиты в банках — Невыплаченные полностью кредиты у себя на работе — Крупные долги частным лицам — Накопившиеся мелкие долги — Долги по квартплате более чем за два месяца	10,8	10,7		
			Наличие значительных неэластичных текущих расходов	По аренде жилья, а также по обеспечению инвалидов или лиц с плохим здоровьем медпомощью и лекарствами и т.п.	ВОПРОСЫ ПРО СЪЕМНОЕ ЖИЛЬЕ ОТСУТСТВУЮТ Есть ли в настоящее время среди членов Вашей семьи, проживающих вместе с Вами: (СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ) — Инвалиды 1 и 2 групп инвалидности (укажите сколько) <u>В среднем 1,1 человек</u> — Хронически больные с ограниченной трудоспособностью, не являющиеся пенсионерами или инвалидами 1 и 2 групп (укажите сколько) <u>В среднем 1,0 человек</u>	6,6	5,7
			Нестабильность доходов	Сезонная, временная работа или разовые приработки при отсутствии постоянной занятости; задержки зарплаты; неоплачиваемые отпуска	Что является для Вас основными источниками дохода? (СТРОГО ПРИ ОТСУТСТВИИ ПОСТОЯННОЙ ЗАНЯТОСТИ, ПРИ ЭТОМ ДОПУСКАЛОСЬ, ЧТО РЕСПОНДЕНТ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕ РАБОТАЕТ) — Разовые приработки, заработки от случая к случаю ... Как конкретно на Вас сказался нынешний финансово-экономический кризис? Вы: (СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ) — В связи с кризисом оказались в неоплаченном отпуске или перед угрозой потери работы — В связи с кризисом задерживают выплату зарплаты уже больше месяца ...	9,7 7,0 Итого: 15,7	6,7 6,8 Итого: 13,5

ПП/НП	Показатели	Индикаторы	Вопросы	2015 %	2018 %
2. Производственная сфера					
ПП	Отсутствие или минимизация эффекта отчуждения в труде по месту работы	Контроль над собственным трудом и автономия на рабочем месте: возможности принятия самостоятельных решений по ключевым аспектам своей деятельности	Кто в основном принимает решения для Вас по следующим вопросам? Вы, Ваш руководитель, или Вы и Ваш руководитель вместе? (УЧИТЫВАЮТСЯ 2 И БОЛЕЕ) Сами ... 1. Какие задания выполнять 1 2. Как изменить темп работы 2 3. Когда выйти в отпуск 3 4. Когда приходиться на работу 4 5. Когда уходить с работы 5 6. Когда взять отгул 6	18,6 (27,0 от работающих)	25 (29,8 от работающих)
		Ресурс влияния на принятие решений на работе: наличие влияния на принятие решений, относящихся к общей деятельности	Если говорить о Вашей нынешней работе, то можете ли Вы сказать, что Вы: (СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ) — Способны повлиять на принятие решений в масштабах всего предприятия — Способны повлиять на принятие решений в масштабах своего подразделения ...	29,0 (42,5)	29,6 (40,9)
		Интегрально		36,3 (53,2)	40,2 (50,7)
	Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства представителей данного социума	Интересной, дающей возможности самореализации, престижной, дающей возможности построения карьеры и т. п.	(ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО СИТУАЦИЯ НА РАБОТЕ ОЦЕНИВАЕТСЯ КАК «ХОРОШАЯ») В каких сферах Вы добились желаемого? (УЧИТЫВАЕТСЯ ЛЮБОЙ ВАРИАНТ ИЗ ТРЕХ) 2. Получить престижную работу 13. Иметь интересную работу 19. Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную) ...	16,9 (23,3)	16,4 (20,6)
	Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости	Соц. пакет: жилье, транспорт, медицинская помощь, питание, ссуды и т. п.	Обеспечивает ли Вам работодатель? — Дополнительные социальные блага (жилье, транспорт, медицинскую помощь, питание, ссуды и т. п.) ...	4,1 (6,0)	3,5 (4,9)
НП	Риски длительной безработицы	Опыт нахождения без работы длительного времени	Оказывались ли Вы за последний год (включая нынешний момент) в ситуации, когда Вы нигде не работали и не учились более трех месяцев подряд? (СЧИТАЕТСЯ КАК ДЛЯ РАБОТАЮЩИХ, ТАК И БЕЗРАБОТНЫХ) — Да	16,9 (12,9)	16,3 (13,7)
		Относятся к безработным	Если Вы сейчас работаете, то сколько в среднем часов в неделю Вы тратите на работу, включая все виды приработков? — Не работают по иным причинам ...	6,4	3,5
		Интегрально		20,5 (12,9)	13,7 (17,7)
	Несоблюдение законодательства на работе	Отсутствие официального оформления на работу	Обеспечивает ли Вам работодатель? (СЧИТАЕТСЯ ОТВЕТ «НЕТ») — Официальное оформление на работу по письменному трудовому контракту или по приказу ...	20,9 (30,1)	5,3 (7,3)
		Нарушение базовых трудовых прав: неоплачиваемый больничный, серая зарплата и т. п.	Обеспечивает ли Вам работодатель? (УЧИТЫВАЕТСЯ ЛЮБОЕ ИЗ НАБОРА (СЧИТАЮТСЯ ОТВЕТЫ «НЕТ»)) — «Белую» зарплату — Оплату отпуска и больничного листа в предусмотренном российским законодательством размерах ...	33,5 (48,7)	34,1 (47,0)
		Интегрально		35,0 (50,9)	35,9 (49,6)
	Неблагоприятные условия занятости	Неоплачиваемые сверхурочные при условии перегрузок, задержки заработной платы, вынужденная работа на сокращенном рабочем дне или неделе и т. п.	(ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ЧАСОВ, КОТОРЫЕ ПРОВОДЯТСЯ НА РАБОТЕ В НЕДЕЛЮ, СОСТАВЛЯЕТ БОЛЕЕ 45) Обеспечивает ли Вам работодатель? (СЧИТАЕТСЯ ОТВЕТ «НЕТ») — Оплату сверхурочных в случае их наличия ...	18,5 (26,9)	18,2 (25,1)

ПП/ НП	Показатели	Индикаторы	Вопросы	2015 %	2018 %
3. Возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала					
ПП	Возможность монополизировать привилегии социально привлекательных видов образования	Доступность платного образования для взрослых за свой счет	(ЛЮБОЕ ИЗ, ЛИБО ВСЕ ВМЕСТЕ) Использовали ли Вы за последние 3 года за счет собственных средств: — Платные образовательные услуги для взрослых (вуз, курсы, частные уроки и т. п.) ... Как Вы за последние 3 года пополняли свои знания? — Брали частные уроки с целью повысить свою ценность как работника ...	14,5	11,9
		Возможности инвестировать в развитие детей	Использовали ли Вы за последние 3 года за счет собственных средств: — Платные образовательные учреждения или услуги для детей (кружки, музыкальная школа, частные уроки, частные школы или детские сады и другое)	16,4	15,8
		Интегрально		26,7	24,1
	Возможность использовать необходимые формы заботы о здоровье	Доступ к более качественным и/или платным медицинским и оздоровительным услугам, ДМС	(ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО РЕСПОНДЕНТЫ ОТМЕЧАЮТ: С чем было связано то, что Вы использовали платные медицинские или образовательные услуги? (Отметьте одну главную причину) — С низким качеством их бесплатных аналогов ...) Использовали ли Вы за последние 3 года за счет собственных средств: (СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ) — Платные медицинские услуги для взрослых — Платные оздоровительные услуги для взрослых (санатории, дома отдыха, клубы здоровья, спортивные и оздоровительные секции и другое) — Платные медицинские услуги для детей — Платные оздоровительные учреждения для детей (в том числе спортшколы и пионерлагеря) ...	19,9	22,9
Наличие навыков существования в цифровой среде	Наличие навыков по использованию интернета на рабочем месте с ежедневной регулярностью	Какие из перечисленных ниже навыков Вы используете на своей работе (УЧИТЫВАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ) Ежедневно Несколько ... используют раз эти навыки в неделю 3. Работы с использованием Интернета ...	27,2	34,8	

ПП/ НП	Показатели	Индикаторы	Вопросы	2015 %	2018 %
НП	Недоступность необходимого образования	Крайне низкая самооценка возмож- ностей получения образования	Как Вы оцениваете свое положение сегодня? 12. Возможность получения образования и знаний, которые Вам необходимы ... Плохо В каких сферах Вы добились желаемого? Сфера достижения Хотелось бы, но вряд ли смогут успехов добиться этого 1. Получить хорошее образование ...	31,7	27,9
		Реальный уровень образования ниже полного общего среднего, определяющего безусловную норму «образованности» в современном обществе	Какое образование получили Вы, Ваши родители и Ваш муж (или жена)? 1. Вы сами ... Начальное Неполное среднее ...	4,3	3,4
		Интегрально		34,2	29,6
	Вероятность значимого ухудшения здоровья	Недоступность для домохозяйств, к которым относится респондент, необходи- мой медицинской помощи и покупки нужных лекарств	Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться со сле- дующими проблемами? — Проблемы с получением необходимой медицинской помощи	10,4	15,2
		Работа респондента на опасных и вред- ных производствах	ВОПРОС ОТСУТСТВУЕТ	—	—
	Отсутствие доступа к ИКТ в повседне- вной жизни	Отсутствие смарт- фона/гаджетов, отсутствие доступа к интернету	Имеет ли Ваша семья (т. е. все проживающие совместно с Вами родственники) следующие предметы и если имеет, то сколько им примерно лет? (НЕ ИМЕЮТ НИЧЕГО ИЗ ЭТИХ ТРЕХ) Не имеют 7. Планшет, айпад 58,9 12. Компьютер, в том числе ноутбук 27,5 13. Айфон, смартфон 54,9 ...	21,7	13,8
		Отсутствие навыков пользования ИТ, ра- боты на компьютере	Какие из перечисленных ниже навыков Вы используете на своей работе? Не имеют этого навыка 1. Работы на компьютере 22,3 ...	22,3	19,7
		Интегрально		31,4	24,4

ПП/ НП	Показатели	Индикаторы	Вопросы	2015 %	2018 %
4. Особенности потребления и досуга					
ПП	Хорошие (расширенные) возможности проведения отпуска	Возможность провести отпуск хотя бы раз в год вне дома, высокая оценка своих возможностей отдыха в отпуск	Как Вы оцениваете свое положение сегодня? Хорошо ... 9. Возможность отдыха в период отпуска ...	18,9 (22,5)	19,3 (21,6)
	Возможность расширенного стиливого товарного потребления	Повышенное число товаров длительного пользования (ТДП) и присутствием в их наборе престижных и редких товаров, нехарактерных для большинства россиян	Имеет ли Ваша семья (т. е. все проживающие совместно с Вами родственники) следующие предметы и если имеет, то сколько им примерно лет? Не более года От 1 до 7 лет Свыше 7 лет 1. ТВ жидкокристаллический или плазменный 2. ТВ цветной обычный 3. Холодильник 4. Пылесос 5. Стиральная машина-автомат 6. Микроволновая печь, кухонный комбайн и т. п. кухонная техника 7. Планшет, айпад 8. Отечественный автомобиль 9. Автомобиль-иномарка (в т. ч. собранный в России) 10. Видеокамера, цифровой фотоаппарат 11. Посудомоечная машина 12. Компьютер, в том числе ноутбук 13. Айфон, смартфон 14. Мобильный телефон 15. Кондиционер 16. Антенна спутникового телевидения КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ КРИТЕРИЙ: владение количеством ТДП больше 1,25 медианы по стране, которая в 2015 году составила 8,75 позиций; в 2018-10. КАЧЕСТВЕННЫЙ КРИТЕРИЙ: ТДП разбиваются на пять категорий со следующими правилами учета: 1) БАЗОВЫЙ НАБОР ТДП (ТВ (хотя бы один), холодильник, стиральная машина, пылесос, мобильный-смартфон, кухонная техника). Каждый берется за единицу. 2) КОМПЬЮТЕР И КОМПЬЮТЕРНАЯ ТЕХНИКА (ПК/ноутбук (что-то одно), планшет, оргтехника). Каждый берется за единицу. 3) ГАДЖЕТЫ (фото- и видеотехника, MP3, GPS — хотя бы одно — как один ТДП). 4) ДОМАШНЯЯ АУДИО- И ВИДЕО-ТЕХНИКА (DVD, видеомагнитофон, домашний кинотеатр и пр. — хотя бы одно — как один ТДП). 5) РЕДКИЕ ПРЕСТИЖНЫЕ ТОВАРЫ ДЛЯ ДОМАШНЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ (кондиционер, посудомоечная машина, увлажнитель воздуха и прочее). Каждый берется за единицу.	31,5	19,4
	Особая комфортность жилищных условий	Сверхнормативная обеспеченность квадратурой и по количеству комнат при наличии коммунальных удобств и с учетом состава домохозяйств (д/х)	Имеет ли Ваше нынешнее жилье все основные коммунальные удобства (центральное отопление, водоснабжение, канализация, электричество)? — Да (ИСПОЛЬЗУЕТСЯ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ФИЛЬТР ПРИ РАСЧЕТЕ МЕТРАЖА. ИСКЛЮЧЕНИЕ: ЕСЛИ ОТМЕЧАЕТСЯ ТАУНХАУЗ/КОТТЕДЖ, ГДЕ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОММУНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ТО ДАННЫЙ ФИЛЬТР НЕ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ) Сколько квадратных метров общей площади (включая кухню, коридор и т. д.) приходится на каждого члена Вашей семьи? (КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ КРИТЕРИИ: 36 кв. м. и более — на первого члена д/х и +18 на каждого последующего; 54 кв. м. и более — для д/х из 2 членов 72 кв. м. и более — для д/х из 3 членов)	4,3	4,6

ПП/ НП	Показатели	Индикаторы	Вопросы	2015 %	2018 %
НП	Наличие пищевых деприваций	Крайне негативная характеристика качества своего питания, включение плохого питания в число основных беспокоящих проблем, экономия на еде в целом (расходы на питание менее чем в 50% доходов домохозяйства) или на значимых для здоровья видах пищи (мясо- и рыбопродукты, фрукты)	(СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ) Как Вы оцениваете свое положение сегодня? Плохо 2. Питаетесь ... Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами? — Плохое питание ... ВОПРОС О СТРУКТУРЕ РАСХОДОВ Д/Х ОТСУТСТВУЕТ	10,2	8,4
	Суженный стандарт предметного потребления	Отсутствие базового набора ТДП в д/х	Вопрос про ТДП (см. выше). КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ КРИТЕРИЙ: владение количеством ТДП менее 0,75 медианы по стране, которая в 2015 году составила 5,25 позиций; в 2018-6.	18,4	12,7
	Низкий стандарт жилищных условий в месте проживания	Отсутствие базовых коммунальных удобств (электричества, горячей воды и канализации) в занимаемом жилье; общая площадь менее нормы (12 ^м кв. м.) на человека, совместное проживание нескольких домохозяйств в одном жилище	(СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ) Имеет ли Ваше нынешнее жилье все основные коммунальные удобства (центральное отопление, водоснабжение, канализация, электричество)? — Нет Сколько квадратных метров общей площади (включая кухню, коридор и т. д.) приходится на каждого члена Вашей семьи? (МЕНЕЕ 12)	16,6	17,3

* На этом пороге доля оценивающих свои жилищные условия как хорошие становится больше, чем оценивающих его как плохое. Кроме того, это 2/3 медианы (18 кв. м.) и примерно половина от средней (21 кв. м.).

Примечание: Условные обозначения: «ПП» = позитивная привилегированность; «НП» = негативная привилегированность; «...» = наличие других закрытий в вопросе, которые не отображаются из соображений экономии места (с более подробными версиями данных вопросов можно ознакомиться при официальном обращении в Институт социологии ФНИСЦ РАН). В скобках указаны проценты от числа работающих россиян (применимо преимущественно для домена «2. Производственная сфера»).